

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ГИПОТЕЗЫ**

Круглый стол,
посвященный 80-летию создания Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
11 сентября 2019 года, город Казань

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 1

**NATIONAL LITERATURES
AT THE PRESENT STAGE:
SCIENTIFIC CONCEPTS AND HYPOTHESES**

Round table
dedicated to the 80th anniversary of establishment
of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences
11 September, 2019, Kazan

Казань
2019

УДК 80/82
ББК 81.2
Н 35

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Составители:

А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина

Н 35 Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., г. Казань): сб. ст. Вып. 1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 240 с.
ISBN 978-5-93091-283-8

В сборнике представлены материалы круглого стола «Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы», организованного в рамках мероприятий, посвященных 80-летию со дня образования ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. В статьях сборника освещаются проблемы межлитературных взаимодействий, традиций и новаторства в национальных литературах, а также актуальные вопросы теории национального историко-литературного процесса, рассматриваются различные аспекты национального литературоведения на современном этапе.

Издание адресовано ученым-филологам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется данной темой. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 80/82
ББК 81.2

ISBN 978-5-93091-283-8

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2019

БАШКИРСКИЙ СТИХ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Б.В. Орехов

Башкирская национальная культура оказывается в XX веке в ситуации русской гегемонии. Мы предпринимаем попытку выяснить, отражается ли эта ситуация на системе башкирского стихосложения. Для этого мы считаем случаи, когда башкирская силлабическая строка может получить правильную силлабо-тоническую интерпретацию. На большой выборке из текстов более 100 башкирских поэтов XX века выяснилось, что таких строк в целом очень мало, и это означает, что башкирский стих сохраняет свое культурное своеобразие и опирается на традиционный силлабический принцип. В случае заимствований из русского текста, модифицируется не башкирское стихосложение, а заимствованный иноязычный фрагмент.

Ключевые слова: стиховедение, башкирская поэзия, силлабо-тоника, кросс-культурное влияние, количественное исследование.

In the 20th century, the Bashkir national culture finds itself in a situation of Russian hegemony. We are trying to find out whether this situation affects the system of Bashkir versification. For this, we count cases where the Bashkir syllabic line can receive the correct syllabic-tonic interpretation. On a large sample of texts from more than 100 Bashkir poets of the 20th century, it turned out that there are very few such lines in general, which means that the Bashkir verse retains its cultural identity and is based on the traditional syllabic principle. In the case of borrowing from the Russian text, it is not the Bashkir versification that is modified, but the borrowed foreign language fragment.

Keywords: verse studies, Bashkir poetry, syllabo-tonic, cross cultural, quantitative research.

Историки литературы говорят, что «национальная форма башкирской поэзии обогащалась под влиянием татарской и русской поэзии, поэтических традиция Востока» [7: 63]. Действительно, башкирские писатели на протяжении всего XX века неизбежно оказывались включены в сложный культурный контекст. С одной стороны, территориальная и языковая близость татарской культуры (а до 1920-х годов – и вовсе один литературный язык) не могла не предопределить обмен формами и идеями между двумя национальными литературами. С другой стороны, отточенная веками и, что немаловажно, престижная восточная поэтика оставила глубокий след в предыстории башкирской литературы, а в XX веке служила одним из источников утверждения самобытной идентичности в сложной системе многонационального государства. Но в силу социально-политических причин

башкирской культуре необходимо было искать формы взаимодействия с доминантной русской традицией. Хотя бы проходя через систему всеобщего образования и башкирский писатель, и башкирский читатель обязательно знакомились с хрестоматийными образцами ключевых текстов русской литературы, и неизбежно включали их в свою систему координат.

Со своими поправками (см. [1]) можно говорить о сложившейся вокруг башкирской поэзии ситуации, по-своему сходной с той, которую описывают в рамках постколониальной теории, а, точнее, *subaltern studies*. В терминах этой концепции описаны случаи добровольной мимикрии культурных практик малых народов под образ, созданный гегемоном, проявления гибридной идентичности и феномена двойного сознания. (см., работы Х. Бхабхи [11]). Такая мимикрия была заметна в сфере бытового поведения (копирование речи, пластики, других поведенческих стратегий) у индийских солдат, служивших в британской колониальной армии. Но такого рода процессы естественно будет проследить и в других сферах, таких, как порождение текстов художественной культуры.

Система стихосложения является прежде всего социокультурной конвенцией. Под влиянием некоторой престижной культурной традиции между авторами складывается консенсус, какие рамки относительно естественной языковой системы следует задать стихотворной речи, чтобы она стала маркированной как высокая и культурно значимая. В этом консенсусе часто преобладают соображения, выдвигающие на первый план сходство с устройством стихосложения более престижной культуры. Так появилась русская силлабическая поэзия конца XVII века, ориентирующаяся на польский стихотворный опыт, так сформировалась древнеримская квантитативная метрика, вытеснившая сатурнийский стих благодаря мимикрии под престижные греческие образцы, так же на тюркской почве установился персидский извод аруза. В XX веке башкирская поэзия попала в ситуацию, в которой доминирующей культурой стала русская, в связи с чем необходимо поставить вопрос о влиянии русской метрической системы на башкирскую, который сводится к вопросу о роли ударения в башкирской поэзии как наиболее значимого отличия русского стихосложения от башкирского. Не следует пытаться навязать силлабике терминологическую и концептуальную рамку силлабо-тоники. Однако на примере чувашского стиха мы знаем, что в тюркских литературах появление силлабо-тоники в принципе возможно. Некоторые исследователи тюркского стиха находят в башкирской поэзии, например, двустопный анапест [10: 83].

Прежде всего, обращают на себя внимание формы фольклорного происхождения узун-кюй и кыска-кюй, представляющие чередование 10- и 9-, а также 8- и 7-сложных строк соответственно. Возможно ли считать их популярность в башкирской поэзии подкрепленной сходными метрическими формами русской поэзии? Если «любой силлабо-тонический стихотворный размер легко охарактеризовать в категориях силлабики» [5: 16], то при определенных условиях силлабическую строку можно интерпретировать как силлаботоническую, что в свою очередь может быть признано влиянием одной метрической системы на другую и, возможно, следствием начавшейся трансформации.

Если принимать за основу равенство тюркской и русской строки в слогах, то башкирское чередование 10- и 9-сложника должно было бы соответствовать в русском стихосложении либо чередованию пятистопного ямба с мужским окончанием и четырехстопного ямба с женским окончанием (трехсложные размеры и полиметрию мы считаем заведомо редким случаем), либо чередованию пятистопного хорея с женским и мужским окончанием.

Я5м/Я4ж относится к числу изысканных форм. В поэтическом корпусе в XIX веке находится всего 11 вхождений, а за XX век добавляется еще чуть более 40.

Х5жм не редкий, но и не самый распространенный размер в русской метрике. Его история начинается сравнительно поздно, с 1830-х годов, в которые он прозвучал благодаря поэзии М.Ю. Лермонтова. В частности, последующее восприятие Х5жм во многом моделирует культурно значимое стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» [4: 331 и далее].

Х5жм мог бы быть замечен внимательным иноязычным читателем, но хватило бы «поэтического авторитета» этой формулы, чтобы послужить опорой для выстраивания метрической системы в национальной литературе?

Форма кыска-кюй должна соответствовать либо чередованию четырехстопного ямба с мужской клаузулой и трехстопного ямба с женской клаузулой, либо чередованию четырехстопного хорея с женской и мужской клаузулой.

Я4м/Я3ж заметная, но не центральная метрическая формула в русской поэтической культуре. Кроме известного стихотворения Жуковского, она используется Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, но не в самых хрестоматийных текстах.

Х4жм сопровождает русскую поэзию почти с самого момента перехода на силлабо-тонику, с 1740-х годов. В поэтическом корпусе

находятся тысячи написанных с его помощью текстов, и он, конечно, является одним из основных размеров русского стиха. Мог ли он оказать влияние на метрику национальной литературы? Вероятнее всего, в этом случае башкирская поэзия восприняла бы не только длину строки, но и – хотя бы отчасти – центральный для русской традиции силлабо-тонический принцип. То есть строки кыска-кюй по распределению в них ударений в какой-то мере напоминали бы Х4 (женская клаузула для башкирского стиха не характерна, примерно как мужская для польского).

Можно попытаться проверить гипотезу о влиянии русской метрики на башкирскую, детализировав исследовательский вопрос следующим образом.

Во-первых, необходимо посчитать, какая часть силлабических строк (с учетом окружающего метрического контекста) содержит регулярное чередование ударных и безударных слогов. Мы предполагаем, что правильное распределение ударных слогов в строке должно появляться стихийно и не будет нарушать силлабического принципа как такового. Высокий процент таких строк еще не будет означать, что башкирский стих следует переклассифицировать в силлабо-тонический, но скажет нам о том, насколько силен в нем потенциал силлабо-тоники и (в гораздо меньшей степени) насколько далеко распространяется на него влияние иноязычной метрики. Мы знаем, что в течение XX века влияние персидской (и тем более арабской) системы стихосложения на него было минимальным, а единственным источником стихового строя была народная поэзия. Следует ли уточнить эти представления?

Во-вторых, необходимо посчитать, какая часть узун-кюй и кыска-кюй могут быть описаны соответственно как Х5жм и Х4жм. Если бы эта часть была значительной, то можно было бы говорить о вероятном дополнительном факторе легитимизации этих форм в литературе со стороны престижной русской поэзии. Если ни в какой момент своей литературной истории узун-кюй и кыска-кюй не обнаружат тенденции к последовательной тонизации, воспроизводящей на башкирской почве русские метрические формы, значит, говорить о влиянии силлабо-тонической метрики на силлабическую в этом поле нет оснований.

Мы провели такие подсчеты на коллекции из текстов 103 башкирских поэтов, насчитывающей более 17 тыс. стихотворений. Подсчеты выполнялись изолированно для каждой отдельной строки (может ли данная строка получить силлабо-тоническую интерпретацию?) и для соседних строк, то есть с учетом метрического контекста: силлабо-

тоническое оформление не может существовать в отдельной строке и воспринимается читателем только тогда, когда метрическая тенденция поддержана в соседних строках.

Если не учитывать фильтр метрического контекста, то общее число строк башкирского поэтического корпуса, которые в принципе могут иметь силлабо-тоническую интерпретацию, около 55,69 % (260879 стихов). Однако если мы считаем условно тонизированной только такую строку, которая соседствует хотя бы с одной строкой того же силлабо-тонического размера, то доля таких стихов будет уже значительно меньше: 23,29 % (109106 стихов).

Нефильтрованную с помощью контекста силлабо-тоническую интерпретацию имеют прежде всего короткие силлабические размеры четной длины: 4-сложники (95,25 % строк могут быть прочитаны как силлабо-тонические), 6-сложники (92,11 %), но для короткого 5-сложника эта цифра даже выше (96,89 %), хотя и меньше в абсолютном выражении (около 13 тыс. строк против 18 тыс. строк 4-сложника и 19 тыс. строк 6-сложника). Для более длинных строк даже четной длины доля гипотетических силлабо-тонических интерпретаций уже заметно ниже: 70,55 % для 8-сложников, 63,29 % для 10-сложников, 52,57 % для 12-сложников. Ещё меньше вероятность прочесть как силлабо-тоническую строку нечетной длины: 63,27 % для 7-сложника и 27,59 % для 11-сложника. Совсем мало шансов применить силлабо-тоническую схему к самому распространенному в башкирской метрике 9-сложному размеру, это удастся только в 25,81 %.

Силлабические строки могут с большей вероятностью прочитываться как строки двусложных размеров. Учитывая, что башкирское ударение падает главным образом на последний слог слова, а следовательно на последний слог строки, ямб будет наиболее вероятной интерпретацией для строк четной длины, а хорей – для строк нечетной длины.

Эти соображения подтверждаются размерами с четным числом слогов: гипотетическим ямбом можно прочесть 40,5 % 4-сложных стихов (учитывались только однозначные интерпретации, процент рассчитывался от числа строк, которые в принципе могли быть прочитаны как силлабо-тонические), 56,96 % 6-сложных, 71,85 % 8-сложных, 88,1 % 10-сложных, 91,25 % 12-сложных стихов. Процент ямбических прочтений растет с длиной строки, потому что на длинной дистанции меньше возможности для множественной метрической интерпретации.

С размерами нечетной длины ситуация сложнее. Если 5-сложник действительно прочитывается как хорей в 32,01 % случаев, 7-сложник

в 49,7%, 11-сложник в 59,94%, то хореическая интерпретация 9-сложника обнаруживается только в 10,57% строк этого размера («Сак менэн Сук айырым узган...») ‘Сак и Сук разминулись’ Эляфия Эсэзулина «Урманда»), что меньше и трехсложного анапеста (36,05% прочтений, «Йэн бирéу зé бында йэл түгél!...») ‘Не жалко здесь даже умереть!..’ Йыһат Солтанов «Юрүзэн һылыгузары»), и неожиданного в этом месте ямба (42,41% «Енел түгел уны табыу һэм...») Эфгэн Гиззатов «Кеше»). Очевидно, что в таких строках последний слог 9-сложника помечался как безударный, что возможно в случае, если он представлял собой служебное слово или попадал в описанные в грамматике исключения: «Йөрэктэрзэ мэнгэ һакларбыз...») ‘Навечно сохраним в сердцах...’ (Максуд Сөндөклө «Онотмабыз»), здесь слово оканчивается на аффикс сказуемости множественного числа.

Трехсложные силлабо-тонические размеры сильно уступают двусложным, но в специфических контекстах даже первенствуют над ними. Одним из таких контекстов является поле интерпретации 5-сложника, в котором вероятнее увидеть двустопный амфибрахий (41,35%), нежели трехстопный хорей: «Бер эш бар унда...») ‘Есть одно дело там...’ (Фариф Гүмәр «Төнгө поста»). Другой случай, когда трехсложный размер показывает заметный результат, – это трехстопный дактиль в 7-сложнике (25,65%): «Яу, яу ергэ күнэклэп...») ‘Лей, лей на землю ведрами...’ (Сөлайман Муллабаев «Болотка»). О трехстопном анапесте в 9-сложнике сказано выше.

Что касается силлабо-тонического прочтения строки с учетом метрического контекста, то 4-, 5- и 6-сложники сохраняют высокий процент интерпретируемости после применения этого фильтра: 67,6%, 42,67% и 61,43% соответственно. Но уже по этим цифрам видно, что показатели сильно отличаются для размеров четной и нечетной длины.

У строки четной длины есть неплохие шансы быть прочтенной как силлабо-тоническая даже с учетом метрического контекста. Так могут быть прочтены 32,99% 8-сложников, 33,15% 12-сложников. Для строк с нечетным числом слогов эта вероятность меньше: 18,95% для 7-сложников, 10,47% для 9-сложников и 5,94% для 11-сложников. Особое место занимает 10-сложник, для которого число силлабо-тонических интерпретаций заметно ниже, чем для других размеров четной длины: всего 17,78% строк. По всей видимости, эта диспропорция вызвана частотным появлением 10-сложников рядом с 9-сложниками в составе узун-кюй, и отталкивание силлабо-тонических интерпретаций, которое демонстрируют 9-сложные строки, не дают сформироваться метрическому контексту.

Всего в корпусе находится 617 стихотворений, в которых не менее 75 % строк отвечают ямбической схеме (с учетом метрического контекста), 51 текст, в основном соответствующий схеме анапеста, 20 стихотворений условного хорей, 11 – амфибрахия и 10 – дактиля. Эти цифры на фоне общего объема весьма скромные. Но самое главное – они совсем не похожи на метрический репертуар русской поэзии. Если ямб и в русской поэзии был доминирующим метром на протяжении всей её силлабо-тонической истории, то ситуация, в которой хорей уступает анапесту, практически не представима. Хотя бы в какой-то мере наблюдаемое распределение текстов напоминает период 1880–1900-х гг., когда далеко после недостижимого ямба (620 текстов) следует хорей (201 текст), но анапест уже в некоторой степени приближается к этим показателям (152 текста), опережая почти равные амфибрахий (94 текста) и дактиль (89 текстов) [3: 316].

Из 617 «ямбических» стихотворений 262 изосиллабические, из них 170 написаны 8-сложником:

Лэйсэ́н ямгь́р яуы́п утгэ́,
Сафлы́ктары́н һибэ́п китгэ́.
Шатлы́к тулы́ тыуга́н якты́,
Сихри́ моңло́ донъя́ итгэ́.
(Акйондоз «Лэйсэ́нгэ́ йыр»)

‘Прошел первый весенний дождь,
Пролил чистоту.
Радостную родную сторонку
Превратила в мелодичный мир.’
(перевод З. Нигматзяновой)

При этом «ямбических» узун-кюй 28, а кыска-кюй всего 11.

Изосиллабическая форма лучше подготавливает и анапестическую интерпретацию входящих в нее строк. Из 51 текста 36 удовлетворяют принципу равнотакта и только один относится к узун-кюй. 22 изосиллабических стихотворения написаны 6-сложником, 13–9-сложником.

Ихласлы́к яралта́ ихласлы́к,
Инсафлы́к яралта́ инсафлы́к,
Мөхэ́ббэт тыузырһа́ мөхэ́ббэт –
Кешелэ́р һокланғы́с, мөһабэ́т.
(Рауил Нигматуллин «Кешелэ́р һокланғы́с»)

‘Если искренность рождает искренность,
Целомудрие рождает целомудрие,
Любовь рождает любовь,
То люди восхитительны и величавы.’

(перевод З. Нигматзяновой)

Почти половина (9 из 20) текстов, которые в основном могут быть интерпретированы как хорей, тоже равносложные. Но четверть (5 из 20) приходится на кыска-күй (узун-күй в этом списке нет совсем). Любопытно, что в русской метрике именно ритм хорея должен был бы соответствовать «быстрому напеву» народной плясовой песни.

В творчестве одного автора число текстов, которые (хотя бы на 75 %) можно было бы прочесть как силлабо-тонические, не превышает 15–16 %. Максимальное значение – у поэта Акйондоз (16,39 %), близкое к нему – у М. Уразаева (15,12 %), у заметного числа авторов этот показатель примерно равен 10 %: В. Гумеров (11,19 %), К. Даян (11,01 %), З. Шаймарданова (10,9 %), Г. Зарипов (10,34 %), Т. Давлетбердина (10,16 %), Т. Карамышева (9,85 %), Р. Шагалеев (9,7 %), Р. Сурагулов (9,61 %) и т. д. В основном, это поэты второй половины XX века, хотя так или иначе подобные стихи встречаются у большинства авторов корпуса (85 поэтов).

Минимальное число таких стихотворений у тех авторов, которых мы уже несколько раз называли как авторов с нетипичными свойствами стихосложения. Меньше 1 % «силлабо-тонических» стихотворений у М. Гафури, Ш. Анака, Б. Бикбая, М. Сюндюкле, Б. Валида. За исключением Ш. Анака, это поэты, творчество которых пришлось на первую половину и середину XX века. Поэты, у которых подобных текстов нет совсем, Р. Сафин, М. Марат, К. Фазлетдинов, К. Бакиров, З. Мансуров, Г. Саям, Р. Гагауллин, ряд достаточно разнородный, как с точки зрения времени их творчества, так и поэтики.

Может быть, специального комментария здесь требует фигура Р. Сафина, который, во-первых, получил музыкальное образование [7: 413], поэтому его внимание к фонике стиха особенно ожидаемо (ср.: «кажется, будто поэзия Р. Сафина рождена только из песенных мелодий» [7: 421]. Здесь же уместно упомянуть активную работу Р. Сафина для театра, то есть специальный учет звучащего характера речи.); во-вторых, учился в Литературном институте в Москве [7: 413] и, казалось бы, мог больше других подвергнуться инокультурным влияниям. Однако оба обстоятельства все же сосуществуют с отмеченным фактом равнодушия этого автора к тонизации стиха по русскому типу.

Примечательно, что стихотворение М. Карима «Кышкы юлдан акбуз килә...» (изосиллабический 8-сложник) интерпретируется как четырехстопный ямб, но переводится на русский пятистопным хореем. Переводчик здесь не воспользовался открывшейся возможностью:

Кышкы юлдан акбуз килә,
Саба-елә, саба-елә,
Көпшәк карзы яра-яра,
Санá елә, сапá елә.

Белый конь путем оледенелым
Мчится – вскачь и рысь, вскачь и рысью.
Вспахивая снег слепяще-белый,
Мчатся сани под морозной высью. [8: 122]

Как мы знаем из [2], чувашский стих стал силлабо-тоническим под влиянием заимствований. Проникновение в поэтическую речь иноязычной лексики привело к появлению силового ударения, которое постепенно подчинило себе всю стиховую форму, силлабический принцип расширился за счет изначально не свойственной чувашскому стиху тонизации, а в сочетании с социокультурным престижем русского языка и классических образцов русской поэзии все это стало толчком к смене всей системы стихосложения.

Начальные стадии этого процесса можно описать в терминах лингвистического переключения кодов (code-switching), которым называется спонтанная смена говорящим одного языка на другой, причем говорящий может переключиться на другой язык, даже не завершив синтаксическую конструкцию, посередине предложения. Обычно утверждается, что при таком переключении существует матричный (то есть базовый) и включенный язык (то есть источник вставок) [12]. В нашем случае кодом является не только (и даже не столько) язык, сколько система стихосложения. Первоначально вставки в чувашский стих иноязычных лексем заставляли авторов переключаться между силлабическим и тонизированным кодом, но с течением времени достигли такого масштаба, что привели к выработке нового силлабо-тонического стихового кода.

Промежуточный случай метрически значимого переключения языкового кода, не приводившего, тем не менее, к переключению стихового кода — это описанный выше эффект, при котором долгим в рамках системы тюркского аруза считался такой слог, который был долгим в языке-источнике заимствования, то есть персидском. Долгим

он считался несмотря на то, что в тюркских языках принимал облик открытого, а открытые слоги конвенционально считались краткими.

Происходит ли в башкирской поэзии что-то подобное тому, что мы наблюдаем в истории чувашской поэтической практики? Разумеется, в ней, как и в любом другом жанрово-стилевом типе башкирской речи, активно используются иноязычные слова: «Язгы баһыузаң трактор» (Г. Юнусова «Сәнғәт тәһсире»), «Телевизор карама һин, / Йөрәмә те-атрга» (К. Фазлетдинов «Катын кушкас»). Однако, по всей видимости, их появление в тексте не приводит к переключению стихового кода. Так, приведенные выше примеры текстов, имеющих силлабо-тоническую интерпретацию, не содержат русизмов, а некоторые фарсизмы (например, *донья*) достаточно часто встречаются и в других текстах корпуса, для которых нельзя предложить последовательного силлабо-тонического прочтения.

Напротив, показателен пример кыска-кюй Х. Назара:

Там русский дух, Русью пахнет
Был бар мөхитте баһа.
Аһтыртын кыһым һәр сакта
Дуһлык артына боһа.
(«Хакимлиһкта»)

‘Там русский дух, Русью пахнет
Давит на всю сферу.
Скрытное давление всегда
Прячется за дружкой.’
(перевод З. Нигматзяновой)

С точки зрения метрики этот катрен построен на правильном чередовании 8- и 7-сложников, при этом первая строка является почти дословной цитатой из «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина. «Почти» дословная эта цитата потому что из оригинальной строки «Там русский дух, там Русью пахнет» изъято второе «там». Дело в том, что в своем исходном виде оригинальный текст не умещался в необходимые 8 слогов, и был изменен в угоду силлабическому размеру.

Иными словами не заимствованные части текста подчиняют себе функционирование матричного кода, а наоборот, матричный код деформирует иноязычные вкрапления, подгоняя их под требования своей системы стихосложения. Переключение кода на уровне языка не приводит к переключению кода на уровне стиха.

Как мы видим, башкирский стих оказывается нечувствителен к инокультурному (или иносистемному) воздействию. По совокупности

собранных сведений мы склонны считать тонизированные прочтения силлабических строк допустимой случайностью. Такие случайности уже отмечались и на заре тюркского стиховедения, ср.: «Безъ сомнѣнія случайно является 4-стопный ямбъ в таранической пѣснѣ» [9]. Формы узун-кюй и кыска-кюй, как это очевидно из приведенных подсчетов, являются вполне самостоятельными метрическими образованиями, и не опираются на культурный авторитет русской литературы. Собственно, такая обособленность башкирского стихосложения от прочих традиций может быть прослежена и на других стиховедческих параметрах: тюркский аруз строится на маргинальных для персидского аруза размерах, а башкирская силлабика оказывается невосприимчива к распространенным формам западноевропейской силлабики. В этом же ряду находится и самодостаточность башкирского стиха в условиях сосуществования с русской силлаботоникой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 4 (66). – С. 25–36.
2. Владимирова О. Г. Становление и развитие чувашского силлабо-тонического стиха. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Чебоксары, 2004. – 24 с.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
4. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. – М.: Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.
5. Илюшин А. А. Русское стихосложение. – М.: Высш. шк., 2004. – 240 с.
6. История башкирской советской литературы: Очерки / Башкир. гос. ун-т им. 40-летия Октября; под ред. Л.Г. Барага [и др.]. – Уфа: Башкнигоиздат, 1963. 1 т.; Ч. 1. – 504 с. (Ученые записки Башкирского университета им. 40-летия Октября. Вып. 11.
7. История башкирской литературы. Т. 3: Литература советского периода (конец 50-х–начало 90-х гг. XX в.). – Уфа: Китап, 2015. – 696 с.
8. Карим М. Время – конь крылатый / переводы с башкирского. – М.: Современник, 1972. – 328 с.
9. Коршъ О. Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племень // Записки Восточнаго отдѣления Императорскаго русскаго архологическаго общества. Т. XIX. Вып. II–III. СПб.: Типографія императорской академии наукъ, 1909. – С. 139–167.
10. Хамраев М. Пламя жизни (о системе стихосложения тюркоязычных народов). – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988. – 256 с.
11. Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // Discipleship: A Special Issue on Psychoanalysis. 1984. Vol. 28. – P. 125–133.
12. Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 306 p.